

нов (семь человек) была заслана к нам из Ялты. Они должны были войти в доверие к партизанам и при удобном случае убивать командиров и комиссаров. Лазутчики ничем себя не выдавали, хорошо, старательно выполняли все задания. Все это были молодые, здоровые парни. Двое из них, как отличившиеся, были даже зачислены в мой комендантский взвод. У них было много возможностей убить меня и моих ближайших помощников.

— Почему вы не сделали этого? — спросили мы одного, когда группа была обезврежена. Шпион ответил, что они не ожидали встретить в отрядах такой обстановки — обстановки боевой дружбы, товарищества, спайки. Среди партизан царил боевой дух, все были уверены в победе, в своей силе. И это, сказал шпион, нас подавило. Мы поняли, что диверсиями и убийствами ничего не достигнешь. Партизан много, они сильны, они непобедимы.

Но так говорили не все. Был среди них один, который ненавидел Советскую власть и не скрывал этого. На допросе он держался нагло и заявил, что все равно нас скоро передушат, как крыс.

Мы не придали значения его словам — мало ли что скажет в бессильной злобе подыхающий враг. И только Витенко запомнил его слово «передушат»; он усмотрел в нем какой-то смысл.

— К нам, возможно, подошлют кого-то с ядом, — сказал Витенко. — Этот мерзавец, по-моему, не случайно обронил словечко. Надо теперь быть особенно бдительными.

Легко сказать «быть особенно бдительными», а как это сделать в нашей обстановке? В отрядах что ни день — то новые люди, в сутки приходит по нескольку десятков человек. Люди самые разные — попробуй узнай, что у кого на душе. А пора горячая, времени на проверку мало. В мирной обстановке проживешь с человеком много лет рядом, как говорят, не один пуд соли с ним съешь, и то, бывает, до конца его не узнаешь. А тут приходит к тебе человек без всяких документов, без свидетелей и говорит, что хочет бить фашистов. И ты должен тут же решить — можно ему доверять или нет. Приходили и такие, что откровенно говорили о своем прошлом, не скрывали, что сотрудничали с немцами, и просили дать им возможность искупить свою вину.

Мы понимали, что к ним нельзя подходить с одной меркой. Может, человек был в плена и ждал первой воз-

можности, чтобы уйти к своим. Может быть, он, получив партизанское оружие, совершил подвиг и мы будем гордиться им, а может, держит за пазухой камень и погубит отряд...

Как быть? Многие говорили — надо доверять. Но где предел доверия? И ответ приходил один: проверять людей огнем. Пришел человек — пошли его в бой, и там решится его судьба. Нигде так наглядно не проявляются человеческие качества, как в смертельной схватке. Если он предатель в душе, это будет заметно в бою. И тогда нет ему пощады!

Комиссар соединения в разговорах на эту тему говорил мне:

— Надежда на народ, на массу. Вот к нам приходит много разных людей. Это хорошо. Раз их много, то их многие и знают. Неясен тебе какой-нибудь человек — покажи его народу. Наверняка кто-то его опознает, кто-то, может, случайно слышал о нем.

Этот совет нам очень пригодился.

Как-то Рябошапко с разведчиками задержал в лесу, недалеко от лагеря, подозрительного человека. Тот заявил, что ищет партизан и желает бить фашистов. В справке, которую показал задержанный, значилось, что он долгое время работал учителем в Алуштинском районе, женат, имеет двоих дочерей и сына.

— Где теперь ваша семья?

— Семьи нет. Жену убили немцы, сын пропал без вести на фронте, а дочерей угнали в Германию. Я хочу мстить врагу за свое несчастье.

При обыске у него ничего подозрительного не нашли, если не считать глупейшего порнографического письма, какие обычно составляют предмет восторга для людей недалеких и похотливых.

Отпустив задержанного, Витенко сказал:

— Верить ему нельзя. Он — старый учитель, интеллигентный человек, и вдруг его заинтересовало такое пошлое, вульгарное письмо. Ни один уважающий себя учитель не стал бы носить в кармане такую дрянь, тем более восторгаться ею. Тот, кто сочинил это письмо, — не уважает простой народ, издевается над ним...

И Витенко решил ближе узнать этого учителя. Он ездил по отрядам, расположенным в селениях, на пароконной линейке, а учителя брал ездовым. Приезжая в отряд, он не показывал вида, что подозревает ездового,

отпускал его свободно бродить по селу. Ему даже выдали оружие — старую винтовку. В отрядах Витенко делал свои дела и как бы между прочим спрашивал у старых партизан, мол, не знаком ли вам мой ездовой? В одном из отрядов старик-партизан, житель деревни Саблы, узнал ездового. Он сам подошел к Витенко и спросил:

— Где вы взяли этого кучера, товарищ командир? Знакомая вроде личность...

— Знакомая? — Витенко насторожился.

— Вроде бы встречались. Только постарел и похудел он. Но если заговорит, по голосу узнаю.

Витенко позвал ездового и спросил его о чем-то. Потом снова отоспал.

— Так вы говорите, учителем назвался? Врет. Никакой он не учитель. Когда-то в Саблях свою лавку держал. В 1930 году его раскулачили и сослали в места довольно отдаленные. Я его, толстопузого, хорошо помню.

Витенко пожал старому партизану руку и возвратился в штаб. И лишь здесь он решил действовать. В упор посмотрел на своего ездового и спросил:

— Не кажется ли вам странным, что автор безграмотного письма в совершенстве знает синтаксис? Тут тебе и двоеточия, и тире, и запятые. Все на месте.

— Видите ли, — ответил «учитель», — письмо переписывалось, очевидно, сотни раз, прошло через многие руки, ну и подверглось литературной обработке. Ведь это древность! Обратите внимание на дату — 1914-й год!

— Не только на дату, но и на машинопись. Когда и где письмо отпечатано на машинке?

— Когда — не знаю, где — тем более. Ну, а к машинке прибегали, видимо, для удобства размножения... Я нашел этот листок на дороге...

— Где именно?

— Под Алуштой...



И. И. Витенко.

— А бумага — совершенно чистая и слегка примята только для вида.

— Не обратил внимания.

— Тогда посмотрите. Шрифт не сбит, лента новая, буквы мажутся, на обороте никаких следов копирки. Значит, копий не снимали и письмо печаталось в одном экземпляре.

— Это мне неизвестно.

— Допустим. Тогда каким образом вы оказались под Алуштой и почему давно не были в Саблы?

На какое-то мгновение в глазах «учителя» промелькнула испуг. И это не скрылось от внимания Витенко, так же, как и капельки пота, появившиеся на лбу ездового.

— При чем здесь Саблы? Вы меня с кем-то путаете...

— Нет, я вас хорошо знаю. Вы никогда не были учителем, вы — бывший торговец из деревни Саблы. Вас раскулачили и сослали. Затем вы продались немцам и прошли школу шпионов. Сюда вы прибыли с заданием. С каким — скажете сами. И чем откровеннее вы будете — тем для вас лучше. Полное признание — и мы отправим вас на Большую землю. Будете хитрить — расстреляем.

Убедившись в провале, «учитель» сознался, чтошел на связь с агентом «246». Явка в гражданском лагере Южного соединения. Письмо — не что иное, как зашифрованная инструкция, содержание которой ему неизвестно. Здесь он должен был встретиться с человеком со шрамом на подбородке. Пароль: «Вы давно партизаните?» Отзыв: «Несколько дней. Еще не обстрелян».

Переправив арестованного и письмо на Большую землю, мы долго ломали голову над тем, кто может прийти на связь с «учителем». Скоро из штаба фронта получили радиограмму, в которой указывалось, что смысл письма пока не разгадан и что, вполне вероятно, кодом может владеть лишь агент «246».

Теперь мы особенно внимательно приглядывались ко всем вновь прибывшим, но человека со шрамом на подбородке не было. Витенко лишился сна. Какая инструкция была зашифрована в письме, что задумали против нас враги? Комиссары отрядов проводили беседы о бдительности, партизаны настороженно ждали тайных врагов.

Однажды ночью часовой третьего отряда заметил неизвестного. О кликунул его.

— Свой я, товарищ, — послышалось из темноты.

И вот перед нами стоит подтянутый полицейский в хорошо пригнанной форме.

— Я из Симферополя. Учился в пединституте, потом нужда заставила идти в полицая. Вчера бежал оттуда... Совесть совсем замучила. И еще много ребят русских хотят в лес уйти. Дороги не знают да и боятся, что партизаны их расстреляют...

— Оружие есть?

Полицай выложил на стол парабеллум.

— Я прошу верить мне. Я виноват, но кровью свою свою вину.

— Выкладывайте все, что у вас есть.

В карманах у студента обнаружили две плитки шоколада, коробку с сухим бульоном и кусок хлеба.

— Утро вечера мудренее — ложитесь спать. Завтра разберемся, — сказал Витенко.

Но уснуть мы не могли.

— Не нравится мне этот «студент», — говорил Витенко. — Уж очень упитан, не верится, что в полицию пошел по нужде.

— Может, это тот самый «246»?

— Все может быть. К нам пришло немало полицаев, но все они отличаются от этого. У тех занискивающие глаза, страх, а у этого спокойный взгляд, уверенность какая-то. А главное — уж очень холеный.

— Но на его лице нет шрама.

— В том-то и загвоздка, хотя это еще ни о чем не говорит: ведь шрам можно сделать в любое время. Я зайдусь «студентом», а пока давай зачислим его в отряд...

— Не ошибемся?

— Думаю, что нет...

— Добро.

В тот вечер Витенко не высказал мне своего подозрения по поводу одной, казалось незначительной детали: обнаруженная при обыске бульонная коробка была по размеру немного больше, чем стандартная.

В коробке, найденной у «студента», был обнаружен крошечный тюбик с гримом телесного цвета и пластирем.

— Как думаешь, Андреич, зачем это ему понадобилось? — спросил Витенко, доложив о своей находке.

— Не знаю, право...

— Для шрама! Да, для того самого, который должен был украсить подбородок агента «246».

— Ты уверен?

— Почти полностью...

Между тем новый партизан, назвавшийся студентом, заводил знакомства, которые не без помощи Витенко стали вскоре довольно обширными. Как бы невзначай он интересовался жизнью отрядов, их численностью, расположением, снабжением, работой тылов, аэродрома и т. д. Здесь не было ничего удивительного. Почти все первые попадавшие в партизанский отряд задавали подобные вопросы: для новичка многое тут казалось необычным. В свободное время он любил прогуливаться по лесу, частенько навещал гражданский лагерь.

— Знакомых, быть может, встречу, — оправдывался он перед командиром взвода, предупреждавшим о строгом запрещении самовольных отлучек, — людей столько собралось — наверняка есть и наши. Раз нельзя — больше не буду...

Но через день он снова ушел, не предполагая, конечно, что за ним по пятам шли помощники Витенко. Он рыскал из группы в группу, кого-то искал, но, видимо безрезультатно. В отряд вернулся поздно ночью, когда все уже спали, а под утро снова исчез. Как и накануне, заместитель командира соединения по разведке постоянно получал точные данные о его местонахождении.

— Кого-то ищет, — докладывал Витенко. — Наверняка саблинского «учителя».

— А не хватит ли ему по лесу шляться?

— Нет, надо ждать. Он не знает о том, что мы обнаружили грим в его коробке, и непременно попросит вернуть его. Вот тогда...

— А если сбежит? — усомнился Самойленко.

Но я знал, что лазутчик никуда не денется, раз за него взялся Витенко. Этот человек обладал каким-то особым чутьем, распознавал самые хитрые замыслы врага.

В один из вечеров ко мне пришел взволнованный Витенко и сообщил, что «студент» попросил вернуть ему коробку с бульоном и шоколад.

— Отдал? — спросил я.

— Нет, я равнодушно ответил, что все это передано тыловикам и, если продукты сохранились, он может их взять.

— А ты думаешь, что все цело?

— А как же! Шувалов предупрежден и отдаст ему

все в сохранности. Видимо, на эти дни была назначена встреча. Придется рискнуть...

На следующее утро помощники Витенко сообщили, что у «студента» появился шрам. Шпион чуть свет ушел в лес, за ним тайно следовал один из разведчиков.

На небольшой полянке, прислонившись к дереву, стоял «студент». Его подбородок украшал искусно сделанный шрам.

— Вы из этого отряда? — спросил, подходя, помощник Витенко.

— Да, — равнодушно ответил тот.

— Давно партизаните?

Шпион отошел от дерева, сунул руку в карман и ответил:

— Несколько дней. Еще не обстрелян.

Тогда помощник Витенко подошел к шпиону и вытащил копию пресловутого письма.

— Вот шифровка. Я в вашем распоряжении, что прикажете делать?

Лазутчик глянул на письмо, потом сказал:

— Это не шифровка, а своеобразный пароль. Вы обязаны передать мне сведения о количестве, расположении и намерениях партизан. Кроме того, постарайтесь войти в доверие к работникам тыла. Сегодня среда. В воскресенье я получу ампулы с ядом, и мы вместе с вами должны отравить продукты, воду. А если представится возможность — убить командира соединения. Дальнейшие распоряжения получите от меня после. В случае, если меня арестуют, по этому же паролю придет другой агент. Его номер 500.

И они разошлись.

Когда шпиона арестовали и он увидел рядом с Витенко того, с кем только что говорил на поляне, он понял все.

— Когда появится агент «500»? — спросил Витенко.

— После дождичка в четверг! — зло выкрикнул враг.

— Не советую шутить, — сурово предупредил Витенко.

— Почему не веселиться, если пришла пора! — крикнул шпион и, оттолкнув часового, бросился в лес.

Далеко убежать ему не удалось. Партизаны поймали его в ста метрах от штаба и не смогли сдержать свою ненависть к предателю: когда мы подбежали, шпион был мертв.

Но агента «500» мы все-таки поймали, при нем нашли ампулы с цианистым калием, порошки ядовитого состава и три колоды игральных карт. Агент «500» в прошлом был шулером.

Позднее мы разделались с самым опасным, материм предателем. Когда на нашу сторону перешел гарнизон Коуша, в его составе, как выяснилось, оказались два родных брата известного буржуазного националиста, ярого врага Советской власти Раимова. Сам Раимов во главе батальона головорезов продолжал сражаться против нас. И тут мы решили использовать сложившуюся ситуацию. Долго и обстоятельно беседовали с братьями опасного предателя, объяснили им, что дальнейшее участие в борьбе с Советской властью ничего обнадеживающего не сулит. Не сегодня-завтра немецко-фашистские войска будут разгромлены, и тогда всем изменникам достанется по заслугам. Всех их ждет кара.

— Смерть? — спросил один из братьев, поеживаясь.
— Разумеется.

— А тем, кто захочет перейти к вам на службу, вы гарантируете жизнь?

— Мы можем гарантировать лишь справедливое отношение, — сдержанно ответил я, взглядом давая понять Христофору Чусси, чтобы он пока помалкивал. А того так и подмывало выложить в сердцах все, что он думал о предателях.

В данном же случае следовало вести себя по возможности дипломатичнее. О Раимове знали и на Большой земле. Оттуда поступило указание в случае плениения оставить изменника в живых и во что бы то ни стало организовать его отправку через линию фронта. Теперь нам предстояло сделать все возможное для поимки этого человека-зверя.

Когда фашисты были заперты в Крыму и для всех стала ясна неминуемая гибель гитлеризма, Раимов решил прекратить борьбу. В марте 1944 года, незадолго до освобождения Крыма, он привел к нам свой батальон. Мы немедленно доложили об этом в штаб партизанского движения. Оттуда была получена телеграмма: Раимова и его ближайших помощников изолировать и доставить на Большую землю.

Мы стали готовиться к отправке предателя. Нужно было провести операцию так, чтобы она не получила широкой огласки. Желая усыпить бдительность Раимо-

ва, мы назначили его заместителем командира седьмой бригады по хозяйственной части. При нем был оставлен и его штаб в составе 12 человек.

Через некоторое время я вызвал Раимова. У меня в то время были Витенко, Чусси, Сытников и другие командиры. Состоялась любопытная беседа.

Мы не показывали вида, что ненавидим предателя всей душой и будь на то разрешение — немедленно бы расстреляли его. Я спросил о хозяйстве бригады, о его настроении. Раимов разговорился; он рассказал, что действительно бывал в Германии, учился в какой-то фашистской школе или на курсах. После окончания учебы его в числе других фашистских молодчиков принял Гиммлер. Предатель вынул из кармана пачку фотографий, где он был снят среди фашистских офицеров у Гиммлера. Потом он показал свои фашистские ордена.

— Теперь они ни к чему. Я променял бы все их на одну вот такую звездочку, — и он показал на орден Красной Звезды на груди у Чусси.

— Ах ты, сволочь! — не вытерпел Чусси. — За твои побрякушки и за тебя со всеми потрохами я не отдам и пуговицы от своих штанов!

Я толкнул Христофора под столом ногой — надо было продолжать игру. Он понял и смолк.

Потом Раимов спросил о том, какая судьба его ожидает. Я сказал, что все зависит от него. Пусть проявит себя в борьбе с врагом, тогда, возможно, ему сохранят жизнь.

— Я знаю, — сказал Раимов, — что народ меня не простит.

— Вы правы, — ответил я. — Но ведь приговоры бывают разные. Вот вы добровольно сдались нам, это хорошо (а сам думаю: сдался ты в 1944 году, когда и слепой видит, что Гитлеру капут; шкуру свою спасаешь).

Раимов снова повторил:

— Я чувствую большую вину перед народом.

«Еще бы, думаю, не чувствовать. Да тебя повесить, собаку, мало». Но сам между тем спокойно говорю:

— Все зависит от вас.

Вскоре с Большой земли сообщили, что высыпают специальный самолет за Раимовым и его сообщниками.

Я сказал Раимову:

— Есть случай отличиться. Возьмите группу партизан, человек 40, отправляйтесь на Зуйский аэродром, по-

лучите и доставьте в соединение партию противотанковых ружей.

Командование седьмой бригады получило задание выделить 40 надежных автоматчиков. Коммунисты были посвящены в тайну операции.

Раимов, кажется, ничего не подозревал и охотно отправился выполнять задание, испросив разрешение взять с собой свой штаб. Я дал согласие.

Операция по обезвреживанию и аресту верхушки Раимовского батальона завершилась на аэродроме. Здесь наших «посланцев» уже поджидали. Командир Северного соединения Ямпольский приказал:

— Оружие положить!

Сорок партизан, заранее проинструктированных мною и Витенко, немедленно выполнили приказ. Не разобравшись, в чем дело, раимовцы тоже сложили оружие. Только теперь эсэсовский майор разглядел, что аэродром окружен партизанами. Под усиленным конвоем бандитов погрузили в самолет. А еще через три часа ответная радиограмма сообщила о благополучном прибытии «гостей» в отведенное для них место.

Раимова судили, презренный враг получил высшую меру наказания.

Пусть помнит всякий, кто предаст свой народ: ему не будет пощады!

ЗА ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Чтобы вынести одного раненого в условиях крымских гор, надо 6—8 человек. Если учесть, что люди недоедали и были обессилены, станет ясно, что даже два-три раненых партизана сковывали движение всего отряда. Раненый понимал это, просил, чтобы его бросили (зачем из-за одного погибать всему отряду?). Но, напрягая последние силы, его тащили в горы. Оставить товарища на издевательство врагу — кто же решится на такое?

Отряд отрывался от врага, и раненого приносили в безопасное место. Всегда ли ему можно было оказать медицинскую помощь? Не всегда. То не было врача, то медикаментов и перевязочных материалов, а иногда при наличии того и другого человек все-таки умирал. Ему нужна была сложная и срочная операция, а этого, к сожалению, в условиях леса сделать было нельзя.